

Глава 8

То ли Чу Чжаохуай слишком привык к лишениям, то ли вкус столичных яств казался ему чересчур тяжёлым и жирным по сравнению с пресной кухней Цзяннани, но аппетита у него почти не было. Единственное, что он мог заставить себя съесть — это поданные к столу чабины.

Юноша жевал их с отсутствующим видом, пользуясь тем, что плотная вуаль скрывает его лицо, и без стеснения разглядывал отца.

Обычно обряды возвращения домой считались делом сугубо семейным, касающимся лишь обитателей внутренних покоев, но случай Чу Чжаохуая был особым. На банкете присутствовал только маркиз — госпожа Чжэн, блюда приличия, не решилась выйти в главный зал.

Лекарь всегда считал Чу Цзина человеком прозорливым. Даже если бы в императорском указе не было названо конкретное имя, после того позора, что устроил на людях Чу Чжаоцзян, титул Ванфэй всё равно должен был достаться именно ему, старшему сыну. Отец же, пойдя на столь опасные ухищрения с подменой, не только совершил преступление против воли государя, но и нажил себе врага в лице Цзин-вана. Это была затея, сулившая лишь беды и никакой выгоды.

В конце концов, даже если бы за князя выдали Чжаоцзяна, зная нрав Цзи Сюня, тот вряд ли лишил бы его жизни. На что же рассчитывал Чу Цзин?

Чжаохуай усмехнулся про себя.

«За короткое время отец успел одарить меня тяжёлым взглядом уже трижды. Глядит, глядит... Всё никак не успокоится!»

Проглотив ещё пару кусочков чабина, юноша решил, что как только утолит голод, сразу выложит родителю все карты.

Для приготовления чабинов в усадьбе маркиза явно использовали лучшие сорта чая: аромат был столь глубоким и насыщенным, что даже после нескольких штук не оставалось чувства пресыщения. Чжаохуай планировал ограничиться лишь парой лепешек, лежавших перед ним, но стоило ему доесть одну, как на тарелке тут же появлялась новая. Он в недоумении нахмурился.

«Неужели они не кончаются?»

Оторвав взгляд от тарелки, он заметил, что маркиз перестал сверлить его глазами, и на лице того застыло крайнее изумление.

Растерянный, Чжаохуай проследил за направлением его взгляда и увидел, как кончики

нефритовых палочек едва коснулись края его пиалы — Цзи Сюнь собственноручно подкладывал ему угощение.

— По вкусу пришлось? — с улыбкой спросил князь.

Чжаохуай молча кивнул.

Он никогда не пробовал ничего подобного; похоже, и в столице можно было найти деликатесы по душе. Жаль только, что в доме маркиза оказались столь скупы — на каждый стол подали лишь по несколько штук.

Цзи Сюнь отложил палочки и мягко произнес:

— Маркиз Чу, Ванфэй пришли по вкусу эти лакомства. Будьте добры, велите подать ещё несколько блюд.

Юноша замер.

«Неужто на таких приёмах прилично просить добавки?»

Лицо Чу Цзина потемнело, словно перед грозой, — впрочем, с самого приезда князя он не выглядел довольным, так что Чжаохуай не придавал этому значения.

Разумеется, яства в княжеских домах столицы были куда изысканнее того, к чему привык простой люд. Эти скромные на вид чабины пеклись с добавлением чайного листа, собранного на заоблачных вершинах гор Байюнь, и цена их была баснословной. Узнай Чжаохуай, сколько стоит один такой укус, у него, верно, зубы бы свело от осознания такой расточительности.

Однако отца заботило не серебро, а то пугающее внимание, которое Цзи Сюнь проявлял к его сыну.

Перед свадьбой маркиз обдумывал сотни сценариев, но ему и в голову не могло прийти, что Цзин-ван окажется похотливым сластолюбцем, готовым проглотить обиду и признать этот брак лишь из-за красивого личика. Чу Чжаохуай покинул дом ещё ребёнком, он не чувствовал близости к роду Чу. И если он воспользуется влиянием Ванье, чтобы взлететь до небес...

Чу Цзин крепко сжал палочки, скрывая бурю, бушующую в душе.

Юноша, не догадываясь о думах родителя, послушно ждал угощения.

Вскоре слуги с поклоном внесли свежее испеченные чабины. Перед ним выставили шесть тарелок, источавших густой, дурманящий аромат. Бедный лекарь, который в Цзяннани пил

лишь горький отвар из суррогата, теперь, благодаря Цзи Сюню, с наслаждением уплетал чай стоимостью в сотни золотых.

Видя, что сын продолжает беззаботно поглощать лепешки, Чу Цзин не выдержал и, дождавшись, пока князь отвлечётся, подал ему знак.

Проглотив кусок, Чжаохуай прямо спросил:

— Отец, вы хотите мне что-то сказать?

Маркиз промолчал.

Цзи Сюнь посмотрел на них с едва уловимой усмешкой.

Чу Цзин выдавил улыбку:

— Нет, я...

Не успел он закончить оправдание, как юноша перебил его:

— О, кажется, этот разговор не для ушей Ванъе. Ванъе, позвольте нам с отцом ненадолго отлучиться.

Цзи Сюнь прищурился, и его улыбка стала ещё шире:

— Ступай, Ванфэй, но возвращайся скорее. Чабины хороши, пока горячие.

Чжаохуай кивнул и, запахнув соболью мантию, решительно направился к выходу.

Маркиз оказался в ловушке, расставленной собственным сыном. Ему ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, сохранив лицо. Какими бы складными ни были оправдания, всем присутствующим и так всё было ясно.

Снаружи, во дворе, ярко сияло зимнее солнце.

У сливового дерева возле резных ворот Чжаохуай остановился, поджидая отца. На нём были богатые одежды, присланные из усадьбы князя — слой за слоем, чтобы уберечь от холода, — но даже в роскошных мехах он казался болезненно хрупким и тонким.

Стоило им остаться наедине, как лицо маркиза исказилось от ярости.

— Чу Чжаохуай! — прошипел он, сорвавшись на крик. — Ты решил погубить весь наш род?!

Юноша лишь прикинулся дурачком, чтобы выманить отца на разговор, и не успел даже спросить про украденное приданое, как на него обрушился поток брани. Он замер, ошарашенный, и спустя некоторое время сухо выдавил:

— Отец прав, я во всём виноват.

Гнев маркиза на миг угас — он не ожидал, что сын так легко признает вину.

— По воле отца я возвысился до титула Чу-ванфэй, — забормотал лекарь, — обрел брак, которому завидует вся столица... Какое счастье для ничтожного воробья — стать фениксом! Но я, неблагодарный, посмел перечить воле родителя, скрыл правду и бесстыдно соблазнил князя. Отец, ваши упрёки справедливы, прошу, продолжайте, приведите меня в чувство.

Чу Цзин лишился дара речи.

Чжаохуай никогда не был силён в спорах: раньше он либо молчал, снося обиды, либо огрызался в порыве гнева. Но за эти дни, наслушавшись изысканной язвительности Цзи Сюня, он невольно перенял его манеру.

И результат не заставил себя ждать. Откуда в словах сына взялись эти интонации «Бога Несчастий»?

— Отец, что же вы замолчали? — не унимался юноша.

Чу Цзин глубоко вдохнул и перешел к делу:

— Когда вернёшься в усадьбу, немедленно расскажи Цзи Сюню, кто ты такой на самом деле.

Улыбка медленно сползла с лица Чжаохуая.

Сквозь чёрную вуаль он долго смотрел в глаза отцу, прежде чем тихо спросить:

— И что потом?

— Какое «потом»? — маркиз нахмурился. — Я вижу, Цзи Сюнь благоволит тебе. Он не станет гневаться из-за такой мелочи.

Юноша кивнул:

— Прекрасно. Так и скажу: я, мол, так вождеделел красоты Ванъе и его хромой ноги, что стоило мне услышать об указе для брата, как я устроил истерику, переступил через закон и с рыданиями запрыгнул в свадебный паланкин.

Чу Цзин с отвращением бросил:

— Хватит подражать Цзи Сюню, говори по-человечески.

— Это вы первый перестали говорить по-человечески, — отрезал Чжаохуай. — Чтобы спасти Чу Чжаоцзяна, вы хоть раз подумали, выживу ли я? Мало того, что меня выдали за мужчину на посмешище всей столице, так теперь вы хотите свалить вину за нарушение указа на меня... Скажите честно: вы хоть какой-то шанс на жизнь мне оставили?

План маркиза был обнажён с беспощадной ясностью. На лице Чу Цзина промелькнуло замешательство, которое он тут же поспешил скрыть за маской родительского гнева:

— Неблагодарный щенок! Как ты смеешь так разговаривать с отцом?!

— А ты относился ко мне как к сыну?! — выкрикнул Чжаохуай.

От этого крика в горле болезненно запершило, он едва не зашёлся кашлем, но сдержался, не желая показывать слабость.

Маркиз, опасаясь присутствия Цзи Сюня, понизил голос:

— В указе не было названо имени. Даже если князь и дворец узнают правду, тебя не казнят. Цзи Сюню недолго осталось, а когда он преставится, я найду способ вернуть тебя домой. Когда меня не станет, усадьба Чжэньюань-хоу достанется тебе.

Чжаохуай чуть не рассмеялся ему в лицо.

— Отец, неужто вы держите меня за идиота? Я покинул этот дом в семь лет и десять лет провел в Линьане. В начале месяца, когда я вернулся, все слуги величали Чу Чжаоцзяна «молодым маркизом». С чего бы мне наследовать титул после вашей смерти?

Видя, что сын не поддаётся на уговоры, Чу Цзин начал терять терпение. Юноше же надоело это притворство, и он окончательно сорвал маски.

— Мне не нужен ваш титул. Я хочу лишь одного — уехать из столицы обратно в Цзяннань. Советую вам поскорее вернуть Чжаоцзяна, а после — покаяться перед Цзин-ваном и вернуть «Ванфэй» на место. Если загоните меня в угол, я не ручаюсь за последствия.

— Если усадьба падет, семье Бай тоже не сдобровать! — прошипел Чу Цзин.

— Я же говорил, — Чжаохуай улыбнулся с пугающим спокойствием человека, которому нечего терять, — на пути к Желтому источнику в толпе веселее. Переродимся все вместе скотиной, будем жить без забот. Сколько хлопот разом отпадёт!

Маркиз задыхался от ярости:

— Ты!..

Чжаохуай хотел лишь одного: забрать своё и исчезнуть.

Ему была противна эта столица с её интригами и коварством — всё здесь, кроме чабинов, вызывало у него отвращение. Если бы сегодня удалось вернуть себе имя, он, возможно, напоследок нашёл бы способ осмотреть Цзи Сюня и понять, что за недуг превратил его в «Бешеного пса». Это стало бы платой за его недавнюю доброту.

Пока лекарь грезил о свободе, холодный голос отца вернул его к реальности:

— Тебе больше не нужны вещи твоей матери?

Юноша резко вскинул голову. Сквозь чёрную вуаль было видно, как его глаза мгновенно налились кровью.

— О чём... о чём ты?

Заметив, как изменился голос сына, маркиз понял, что нащупал рычаг давления. Ярость на его лице сменилась привычным самодовольством.

— Помимо приданого рода Бай, твоя мать оставила тебе немало личных вещей. И письмо, которое велела отдать только после твоей свадьбы.

Вся «княжеская язвительность» мгновенно выветрилась из головы Чжаохуая. Мысли спутались, и он, повинувшись инстинкту, сделал шаг к отцу.

— Отдай! Немедленно отдай мне всё!

— Повинуйся мне, — сухо бросил Чу Цзин. — Возвращайся в усадьбу и оставайся Ванфэй. Тогда я сам пришлю тебе вещи матери.

Чжаохуай смотрел на него как на чужака.

Все эти годы дед твердил ему, что он связан с маркизом кровными узами, что отец отправил его в Цзяннань лишь ради исцеления, повинувшись пророчеству Государственного наставника, что Чу Цзин помнит о нём... Юноша почти поверил, что в сердце родителя осталась хоть капля любви.

Но сейчас в глазах Чу Цзина не было и тени жалости к собственному ребёнку — лишь голый расчёт. Последние крохи сыновней привязанности, о которых Чжаохуай и сам не подозревал, рассыпались в прах.

— Что ж... Быть благородным Чу-ванфэй и впрямь не так уж плохо, — Чжаохуай коротко,

болезненно усмехнулся. В этом смехе была и высшая точка разочарования, и тихая ярость.

Он признал поражение. Он примет правила этой игры.

Раз Чу Цзин так печется о репутации Чжаоцзяна, желая, чтобы тот оставался безупречным молодым маркизом...

Чжаохуай кивнул.

«Я понял. Тебе нужно доброе имя для сына? Что ж, я устрою ему такую славу, какую он вовек не забудет»

Похоже, вуаль придётся носить ещё долго.

Чжаохуай не хотел больше слушать отца. Он уже развернулся, чтобы уйти, когда за спиной раздался знакомый голос:

— Ванфэй ещё не закончил беседу?

Юноша вздрогнул и обернулся.

Цзи Сюнь, словно призрак, возник за воротами. Он сидел в своём кресле под крышей крытой галереи, вертя в руках ветку цветущей сливы, и улыбался. Как его тяжёлое кресло могло катиться столь бесшумно? Неужто он принёс его сюда на руках?

Не понимая, сколько князь успел услышать, Чжаохуай сделал шаг к нему и как можно непринужденнее произнес:

— Простите, что заставил ждать. Мы как раз закончили.

Цзи Сюнь окинул его внимательным взглядом и, словно заметив что-то, протянул ему коробочку с чабинами:

— Видел, как они тебе понравились. Прихватил немного.

Чжаохуай выдохнул. Значит, не слышал.

— Поедем?

— Да, в усадьбе ещё много дел.

Цзи Сюнь посмотрел на него, и его глаза внезапно сузились.

Юноша откусил кусочек чабина. Чёрная вуаль скрывала его лицо, покрытое сыпью, но были видны бледный подбородок и шея. В лучах солнца, пробивавшихся сквозь ветви, на его подбородке блеснула прозрачная капля. Она дрогнула и сорвалась вниз.

Рука Цзи Сюня, сжимавшая Золотой посох с навершием в виде голубя, заметно напряглась.

Чжаохуай поспешно вытер лицо рукой и, откусив чабин, произнёс как ни в чём не бывало:

— Ах да, я забыл кое-какие вещи. Позвольте мне одолжить пару ваших людей, чтобы забрать мой старый шкаф?

В усадьбе маркиза остался его личный комод. Раз уж в Цзяннань путь заказан, он заберёт его с собой.

— Разумеется, — отозвался Цзи Сюнь.

Инь Чжуншань выделил двоих стражников, и те последовали за Чжаохуаем.

Когда они скрылись из виду, князь лениво повертел в пальцах чабин, словно гадая, насколько же вкусной должна быть эта штука, чтобы Ванфэй ел её и плакал.

Чу Цзин, видя, что сын ушёл, отбросил маску тревоги и подошел к Ванье.

— Ванье не желает остаться подольше? — сухо спросил он.

— Нет, — Цзи Сюнь продолжал разглядывать надкушенный Чжаохуаем чабин. — Мы провели здесь достаточно времени, но ни водную яшму, ни списка приданого Ванфэй так и не получил. Видать, маркиз слишком занят. Должно быть, после полудня вы ждете либо императорский выезд, либо самого Нефритового императора. Не станем вам мешать.

Собеседник процедил:

— Ванье изволит шутить.

— Я никогда не шучу, — Цзи Сюнь откусил кусочек, и, найдя вкус на удивление приятным, повеселел. Наконец он соизволил взглянуть на маркиза. — Хотя я и принадлежу к императорскому роду, и брак с вашим домом для меня — не самая завидная участь, дело сделано. А раз так, нельзя оставлять тестя без подношений. Чжуншань!

По приказу командира стражи на середину двора вынесли три массивных сундука.

У Чу Цзина ёкнуло сердце — дурное предчувствие ледяной змеей скользнуло по позвоночнику.

Шестеро дюжих гвардейцев внушали ужас одним своим видом. Сосредоточенные, словно перед решающим штурмом, они несли груз, и стоило им поравняться с маркизом, как все шестеро разом «споткнулись».

Грохот удара сотряс землю. Сундуки завалились на бок, крышки распахнулись, и содержимое с глухим стуком покатило по камням.

Маркиз опустил взгляд и мгновенно побелел как полотно.

Сундуки из драгоценного дерева были доверху набиты не золотом и шелками, а отрубленными головами убийц. Десятки мертвых лиц с остекленевшими глазами усеяли двор.

Тяжёлый, сладковатый запах крови мгновенно заполнил воздух. Зимнее солнце всё так же сияло в вышине, но двор усадьбы превратился в преддверие ада.

Цзи Сюнь лениво сидел в своём кресле. Тошнотворная вонь, казалось, ничуть не портила ему аппетита: он неспешно доедал изысканный чабин.

Желудок Чу Цзина сжало спазмом. Руки, скрытые в широких рукавах, мелко задрожали.

Этот безумец!..

Одна из голов докатилась до самого колеса кресла. Цзи Сюнь лениво оттолкнул её носком сапога. В его глазах, несмотря на улыбку, застыл смертельный холод.

— Неужто маркизу не по нраву мой скромный дар? Помилуйте, ведь я отобрал их из тех самых сундуков, что прибыли сегодня из вашей усадьбы в качестве «приданого».

Чу Цзин до боли сцепил зубы.

Будь на месте князя любой другой, он бы уже обнажил меч. Теперь же ему оставалось лишь глотать ярость и страх, давясь собственной беспомощностью.

— Должно быть... в предсвадебной суете слуги перепутали сундуки, — выдавил он сквозь зубы.

— Как только пропажа отыщется, я немедленно пришлю остаток приданого в вашу усадьбу.

— Вот и славно, — рассмеялся Цзи Сюнь. — Раз маркиз столь любезен, у меня есть ещё один подарок.

Сердце Чу Цзина снова пропустило удар.

Инь Чжуншань достал откуда-то небольшой ларец и, подойдя к собеседнику, знаком велел открыть его. По размеру он был как раз такой, чтобы в нём уместилась ещё одна голова.

Хоть маркиз и носил титул Чжэньюань, он никогда не был на настоящей войне. Вид горы трупов вызывал у него тошноту, и он невольно отшатнулся от ларца.

Но стоило ему взглянуть на крышку, как зрачки его сузились, а дыхание перехватило.

На железной скобе ларца, подвешенный на красном шнурке, висел окровавленный предмет. Это был изящный кусок водной яшмы. Кровь на нём была ещё свежей, но сквозь багровые потёки отчётливо виднелся знакомый иероглиф.

— Цзян.

<http://bllate.org/book/15341/1372771>